

Чу Юньсянь проглотил уже готовые сорваться с языка слова и лишь тихо обронил:

—... Да. Спасибо.

Он принял пиалу и принялся за еду — молча и аккуратно. Цинь Хуань назвал это «простой лапшой домашнего приготовления», но Юньсянь по первому же глотку понял, сколько труда и времени ушло на один только бульон. Вот только порция оказалась огромной: осилить такую глубокую чашу ему было явно не под силу.

— На каком мы сейчас этапе? — спросил Цинь Хуань. Разглядывать жующего гостя в упор становилось неловко, и он решил прервать затянувшееся молчание.

— Я хочу полностью переписать раздел по анализу рынка и прогнозированию рисков, — отозвался Юньсянь. — Там используются данные двухлетней давности. К тому же твой черновик написан скорее для себя. Чтобы показать его инвесторам, нужно сместить акценты на ключевые моменты, да и само оформление...

Но Цинь Хуань, не желая, чтобы парень отвлекался от еды на рабочие вопросы, мягко перебил его:

— Сначала поешь. Обсудим всё на сытую голову.

Юньсянь и сам не любил разговаривать за столом, поэтому послушно замолчал. Однако, сделав ещё пару заходов, он окончательно наелся. Отодвинув миску, он повернулся и наткнулся на пристальный взгляд Цинь Хуаня, который так и сидел рядом, не сводя с него глаз.

— М-м... Вообще-то, тебе не обязательно меня караулить. Иди поешь. Чуть позже мне понадобится твоя помощь со сводными таблицами.

— Хорошо.

Цинь Хуань забрал пустую посуду и ушёл. Минут через десять он уже вернулся в кабинет.

«Так быстро управился?» — удивился про себя Юньсянь. — «Ну и скорость».

Юньсянь приподнял бровь и развернул монитор к нему:

— Смотри. Вот для этих разделов нам нужны свежие показатели. Для анализа рынка придётся поднять отчётность конкурентов за последние пару лет...

Они детально обсудили план действий. Получив одобрение Цинь Хуаня, Юньсянь тут же

созвонился с остальной группой по сети. Он перераспределил задачи, намеченные на дневном собрании, и оставил основную, самую сложную часть работы им с Цинь Хуанем — как наиболее опытным участникам команды.

Если поднажать, то закончить проект они могли уже сегодня ночью.

В половине двенадцатого на телефоне Юньсяня зазвонил будильник. Этот сигнал напоминал, что пора возвращаться в общежитие. В последнее время в комнате частенько оставался один лишь Инь Линьшэн. Оставь его наедине с ночными страхами — и парень наутро наверняка разрыдается от чувства брошенности.

Цинь Хуань, не знавший о тонкой душевной организации Сяо Иня, удивлённо усмехнулся:

— Зачем тебе будильник на такое время?

— Напоминание, что пора спать в кровать, — коротко пояснил Юньсянь.

«Надо же, какая полезная привычка — возвращаться спать по ночам», — одобрительно подумал Цинь Хуань и невольно улыбнулся.

Юньсянь прикинул, сколько ещё осталось сделать, и спросил:

— У тебя большой объём остался?

Цинь Хуань проигнорировал вопрос, зайдя с другой стороны:

— Обязательно уходить? Если останешься, мы доведём проект до ума и закроем этот вопрос прямо сегодня.

В его низком голосе скользнули вкрадчивые, почти соблазняющие интонации, но Юньсянь даже бровью не повёл.

— Не получится. Там у меня в общежитии ребёнок, которого нельзя оставлять без присмотра. Не могу же я бросить его одного на всю ночь.

Юньсянь уже потянулся было подняться со стула, но Цинь Хуань мягко, но настойчиво удержал его за плечи, усаживая обратно:

— Пустяки. Сейчас наберу У Цзиньмина, пускай поедет и посидит с ним.

У Цзиньмин, в очередной раз приговорённый к роли послушного инструмента, мысленно передал боссу пламенный привет и «искреннюю благодарность» за то, что о нём вспоминают исключительно в такие моменты.

Пока Цинь Хуань выходил сделать звонок, телефон Юньсяня звякнул от нового сообщения от контакта [YY, твои губки просят поцелуя].

[YUN: И надо же, какая поразительная активность. С чего вдруг зачастил? Где-то снова зачесалась пустота?]

[YY, твои губки просят поцелуя: Когда я думаю о тебе, у меня пустота везде.]

Юньсянь скептически фыркнул, отбросил мобильный на край стола и вернулся к прерванной работе.

Экран загорался ещё несколько раз от новых уведомлений, но, не дождавшись ответа, собеседник затих.

Вернувшись в кабинет, Цинь Хуань уселся на прежнее место. Хотя вопрос с «ребёнком» был решён, он не удержался от шпильки:

— Надо же, какая трогательная забота о соседе. Так вот почему ты так злился из-за слухов о нашей с тобой «Верности Цинь и Чу»? Сердце уже занято? Тот мальчишка ведь на тебя прямо-таки молится. И как тебе только хватило духу бросить его ради работы со мной?

— Чепуха. Я натурал и парнями не интересуюсь, — соврал Юньсянь с таким невозмутимым видом, что Цинь Хуань, не зная он подлинных предпочтений парня, непременно повёлся бы на эту наглую ложь.

— Вот как? А мне без разницы — мужчина или женщина, — хмыкнул Цинь Хуань. — Ты просто ещё не влюблялся по-настоящему. Когда накроет, пол избранника волновать тебя будет меньше всего.

— Раз ты такой знаток, то, надо полагать, уже успел познать любовь во всех её проявлениях? — лениво бросил Юньсянь. Его пальцы продолжали быстро летать по клавиатуре, а взгляд был прикован к таблицам. Он поддерживал беседу скорее механически.

— Вовсе нет. Раньше я заглядывался на красивых девушек и всерьёз думал, что однажды на такой женюсь. Но потом встретил одного парня... И понял, что никакие писанные красавицы мира мне не нужны. Только его одного я хочу затащить под венец.

— Что ж, вынужден тебя разочаровать: в нашей стране однополые браки до сих пор вне закона.

— Не страшно. Когда я добьюсь его, сам смастерю нам парочку красных свидетельств. Руки у меня из нужного места растут, за качество ручаюсь. Что касается совместного имущества — я просто буду переводить все свои доходы на его карту. Поверь, это свяжет нас покрепче любого государственного штампа.

«Руки из нужного места... в деле хорош...»

Юньсянь слушал вполуха, но именно эти слова застряли у него в голове, вызвав весьма двусмысленные ассоциации. Пальцы, уверенно двигавшие мышку, на мгновение замерли.

— Что-то не так? — заметив его секундное замешательство, Цинь Хуань наклонился ближе к экрану, решив, что парень наткнулся на сложную формулу.

Он упёрся ладонями в край стола по обе стороны от Юньсяня. Его голова оказалась прямо у правого плеча парня, а грудь почти вплотную прижалась к его спине.

В этой внезапной близости Юньсянь отчётливо уловил глухой, мерный стук чужого сердца и почувствовал на своей шее его тёплое, влажное дыхание. Он мгновенно покраснел до кончиков ушей.

— Всё нормально. Займись своими делами, — процедил Юньсянь, отчаянно пытаясь вернуть мыслям рабочее русло.

Но сосредоточиться не получалось. Он то и дело бросал косые взгляды в сторону Цинь Хуаня, разглядывая его красивый, сосредоточенный профиль. Мысли путались, работа продвигалась со скрипом, и лишь к часу ночи Юньсянь наконец закончил свою часть проекта.

От долгого бдения и напряжения голос его слегка охрип. Он повернулся к напарнику:

— Готово. Осталось свести наши файлы в один документ.

— Давай сюда, я сам закончу. Отдохни пока, — предложил Цинь Хуань, забирая его работу.

Юньсянь согласно кивнул. В горле нещадно першило.

— У тебя попить есть что-нибудь?

— Да, я вечером чайник кипятил. Сиди, я сейчас принесу.

Но Юньсянь уже поднялся на ноги:

— Не надо, я сам схожу. Работай.

Кухню он нашёл быстро, но обещанной тёплой воды на виду не оказалось.

«Ладно, сойдёт и холодная из холодильника», — подумал он и открыл дверцу.

Внутри царила идеальная пустота. Не считая сиротливо лежащего на полке большого пакета с сухой лапшой, там не было абсолютно ничего.

Судя по всему, именно её Цинь Хуань использовал для их ужина. Лапша оказалась на удивление вкусной, и Юньсяню стало любопытно взглянуть на марку. Он взял пачку в руки. Обычно в таких упаковках ровно десять порционных пучков. В этой осталось шесть. Значит, ушло четыре...

Но ведь его собственная гигантская порция как раз и тянула на все четыре пучка!

Пожав плечами, он вернул пакет на место и решил набрать воды, чтобы вскипятить её. Но стоило ему подойти к раковине с чайником, как взгляд упал на грязную посуду, замоченную в воде.

Там лежала всего одна глубокая миска и одна пара палочек.

Всего одна?

Но почему одна, если ужинали они вдвоём?

В душе зашевелилось нехорошее предчувствие. Юньсянь лихорадочно обшарил взглядом кухню и даже заглянул в мусорное ведро — пустых коробок или остатков еды там не было.

Догадка обожгла мозг. Чу Юньсянь, страдающий тяжёлой формой гермофобии и патологической брезгливостью, почувствовал, как мир вокруг него рушится.

— Цинь Хуань! — взревел он на весь дом, вылетая из кухни. — Где лапша?! Ты какого хрена доел за мной обедки?!

Услышав этот яростный вопль, Цинь Хуань испуганно выскочил из кабинета. Но едва он добежал до коридора, как Юньсянь мёртвой хваткой вцепился ему в воротник домашней рубашки.

— Где моя недоеденная лапша, я тебя спрашиваю?! Куда делась половина миски?!

— Выбрасывать еду — грех, — примирительно подняв руки вверх, затараторил Цинь Хуань. — Вот я и доел.

Юньсянь с отвращением разжал пальцы и брезгливо отряхнул ладони.

«Ладно, чёрт с ним, с этим псом Цинем. Моей слюны там всё равно больше, так что пострадал тут точно не я», — попытался успокоить себя Юньсянь, но лицо его по-прежнему выражало крайнюю степень брезгливости и гнева.

— Да ты не злись так! Я хоть и при деньгах, но транжирить еду не привык. Я над этим бульоном душу дьяволу продал, жалко же добро переводить! — Цинь Хуань шёл за ним по пятам, внезапно затормозив у порога кабинета. В его глазах вспыхнул озорной огонёк. — Постой... Ты что, проголодался? Хочешь, я тебе ещё лапшички сделаю? Прямо сейчас соображу!

— Избавь меня от своей стряпни, — буркнул Юньсянь, возвращаясь к рабочему столу.

— Ну ладно-ладно, — не унимался Цинь Хуань, примирительно улыбаясь. — В следующий раз обязательно приготовлю что-нибудь особенное. Своими руками, оценишь по достоинству.

Инцидент с лапшой замяли.

Они снова устроились в кабинете. Юньсянь поначалу следил за действиями Цинь Хуаня, изредка вставляя замечания и корректируя формулировки, но постепенно его реплики становились всё короче. Наконец наступила полная тишина.

Цинь Хуань удивлённо обернулся и замер: парень спал без задних ног, уткнувшись носом в сложенные на столе руки.

«Наконец-то умаялся», — с нежностью подумал Цинь Хуань. — «Я уж думал, мы так до рассвета просидим».

Он бережно подхватил спящего парня на руки и понёс в спальню.

В прохладной комнате с работающим кондиционером Юньсянь остался в одной лишь свободной толстовке. Мягкая ткань светлого оттенка при движении слегка сползла с плеча, обнажая изящную, идеально прямую линию ключицы. В этом не было ничего откровенного, но Цинь Хуань почувствовал, как перехватило дыхание. Голова Юньсяня уютно покоилась у него на плече, полностью открывая взору беззащитную шею.

Цинь Хуань не удержался и коснулся взглядом этой нежной кожи, крепче прижимая парня к себе. Талия Юньсяня оказалась удивительно тонкой, но под ладонью чувствовались упругие, тренированные мышцы — значит, парень не врал насчёт кубиков пресса.

«Какая тонкая... И как идеально ложится в руки».

Он осторожно опустил ношу на кровать. Светлое лицо Юньсяня утонуло в подушке, тёмные густые пряди рассыпались по простыне, источая тонкий, едва уловимый аромат чистоты.

От мысли, что эта хрупкая красота может достаться кому-то другому, у Цинь Хуаня болезненно сжалось сердце. А уж когда он вспомнил, что Юньсянь делит одну комнату в общежитии ещё с тремя здоровыми парнями, его и вовсе накрыла глухая, удушливая ярость.

Он прилёг рядом, собственническим жестом притянул Юньсяня к себе за талию и уткнулся носом в изгиб его шеи, жадно вдыхая родной запах.

И хотя сейчас этот упрямец был полностью в его власти, Цинь Хуань недовольно нахмурился.

«Невыносимо. Нужно срочно что-то придумать и вытащить его из этого чёртова общежития!»

<http://bllate.org/book/19791/2039251>